

— Что?! Чтобы я пошел извиняться? Дин Сюй, ты с ума сошел! Иди сам, если хочешь, я не пойду!

Сказав это, он раздраженно повесил трубку. В городе такие, как Ли Чэндун, всегда были с ним на равных. Даже если у этого Се есть связи, он всего лишь маленький глава уезда. Чтобы он пошел извиняться перед ним? Как он потом будет жить в городе N? В конце концов, это Дин Сюй ему должен, пусть сам и идет!

С другой стороны, услышав, как трубку повесили, Дин Сюй побледнел от злости. Когда он немного разжал руку, телефон рассыпался на части. Глядя на осколки на столе, его лицо постепенно стало холодным и бесстрастным. Он вынул чип и позвал:

— Эй, принесите новый телефон.

Вскоре сотрудник антикварного магазина принес новый телефон наверх. Увидев остатки старого, он ничего не сказал, просто передал новый.

Дин Сюй вдруг усмехнулся:

— Качество этого телефона оставляет желать лучшего. Хорошо, что чип не поврежден, должно работать. — Проверив, он убедился, что все в порядке.

Сотрудник, стараясь поддержать шутку босса, слабо улыбнулся.

Когда сотрудник ушел, Дин Сюй откинулся на спинку кресла, его лицо снова стало холодным. Его терпение и уступки тоже имеют пределы. Старший брат не должен постоянно переступать его границы, иначе в конце концов он сам погибнет из-за него. Семья Дин в мире древних боевых искусств — это всего лишь маленькая семья. Те, кто связан с Вратами Пурпурного Шелка, даже если они обычные люди, не должны быть тронуты семьей Дин.

Семьи Се и Тан. После прошлых подозрений он вспомнил об этих двух семьях в городе В. Молодежь из этих семей выходит на испытание, и наличие таких людей рядом с ними неудивительно. И то, что они могут перевернуть Аньси с ног на голову, даже имея поддержку на уровне провинции, уже говорит о том, что глава уезда Се — не обычный человек. Но здесь есть люди, которые, как лягушка в колодце, думают, что видят весь мир, и считают себя царями горы. Это действительно смешно!

Люди из семей Се и Тан, даже если они обычные, не могут быть легко тронуты миром древних боевых искусств, если только не объединятся с противниками этих семей.

Когда он снова вышел, ничего не выдавало его внутреннего состояния, только сотрудник, пришедший убрать остатки телефона, дрожал от страха.

Взяв машину из гаража, он выехал за пределы антикварного квартала и вскоре оказался у роскошной виллы Дин Чана.

— Где Дин Чан? — На звонок ответил только его доверенный подчиненный.

Подчиненный с горькой миной сказал:

— Сюй-младший, брат... в своей комнате.

Дин Сюй усмехнулся. Он сразу понял, чем занимается Дин Чан. У него больше ничего не

осталось, кроме этих дел. Сколько раз он занимался чем-то полезным? С холодным выражением лица он вошел внутрь. Здесь никто не осмелился бы его остановить. Все знали, что их брат может безнаказанно хозяйничать в городе N только благодаря ему.

Сегодня их брату не поздоровится.

Подойдя к комнате Дин Чана, он услышал доносящиеся оттуда непристойные звуки. Дин Сюй пнул дверь, и та с грохотом отлетела. Люди, стоявшие сзади, дрожали от страха. Внутри был родной брат Сюй-младшего, и, возможно, он отделается только выговором, но что будет с ними, если они попадут под горячую руку? Сколько ударов выдержат их кости?

— Кто? Какой идиот? — Дин Чан, занятый с любовницей, услышал шум и поднял голову, чтобы крикнуть, но увидел своего брата, похожего на ледяного демона. Он вздрогнул, и его тело тут же обмякло. Он быстро натянул простыню, чтобы скрыть свой позор, но состояние его любовницы, которую он измучил, полностью открылось взгляду Дин Сюя. В его глазах промелькнуло отвращение.

— С... Сюй, что ты хочешь? — Дин Чан пытался казаться грозным, но голос дрожал.

Дин Сюй шагнул внутрь, приближаясь к Дин Чану. Тот инстинктивно хотел отступить, но прежде чем он успел что-то сделать, Дин Сюй завернул его в простыню и поднял. Дин Чан, связанный по рукам и ногам, не мог пошевелиться. Когда Дин Сюй потащил его наружу, он испугался, но все же попытался давить на брата:

— Ты... что ты хочешь, Дин Сюй? Не забывай, что ты стал таким благодаря мне. Ты... ты забыл, что тебе говорили родители?

Дин Сюй не проронил ни слова. Выйдя из этой грязной комнаты, он пнул дверь другой, чистой комнаты, вошел и бросил Дин Чана на кровать. Тот завернулся в простыню, но тут же над ним нависла тень. Дин Сюй ударил его несколько раз в определенные точки, и Дин Чан закричал, как резанный поросенок.

Снаружи кто-то хотел ворваться, чтобы спасти, но другие остановили его. Шутка ли, Дин Сюй! Даже если он убьет на их глазах, они смогут только смотреть.

Дин Сюй, игнорируя крики Дин Чана, холодно сказал:

— Отныне я позабочусь о том, чтобы у тебя была еда и одежда на всю жизнь. Остальное тебе не нужно. Эй, позаботьтесь о вашем брате.

Когда люди ворвались внутрь, они увидели, что конечности Дин Чана беспомощно скручены, а сам он покрылся холодным потом, лицо белое, как мел.

Младший брат их брата лично сломал ему руки и ноги?!

Кто-то осмелился подойти и попытался пошевелить его, но отшатнулся и упал на пол.

Дин Сюй, выйдя из виллы, позвонил Тан Линцю. Тот, услышав его голос, был удивлен.

— Молодой господин Тан, я хочу извиниться за действия моего брата перед главой уезда Се. Мой брат действовал опрометчиво и необдуманно, оскорбив главу уезда Се. Пожалуйста, передайте мои извинения главе уезда Се. В ближайшее время я привезу своего брата в уезд Аньси, чтобы лично извиниться перед ним.

Дин Сюй вел себя очень смиренно, что удивило Тан Линцю. В прошлых встречах в городе N он казался высокомерным. Очевидно, слова, переданные через дедушку, дошли до него, и теперь Дин Сюй понял, кто они с братом.

Тан Линцю не был тем, кто злоупотребляет чужой вежливостью. Он вежливо ответил:

— Не стоит, господин Дин, вы слишком любезны. Я передам ваши слова брату.

— Благодарю, молодой господин Тан.

Тан Линцю ехал в поселок Сивань. Позвонив Е-цзы, он узнал, что тот находится в поселке, и попросил Чжао Цзюня подвезти его. После разговора с Дин Сюем он связался с братом и передал все, что сказал Дин Сюй.

— Похоже, Дин Сюй не такой, как его брат Дин Чан. В городе N мало что слышно о загадочном Дин Сюе, возможно, это просто не распространяется. — Ответил Се Цинжун. — Дай мне его номер, я сам ему отвечу.

Если кто-то проявляет уважение, он тоже не будет злоупотреблять своим положением. Выйдя из семьи, он старался полагаться на свои способности и умения, чтобы не потерять смысл испытания.

— Хорошо, я чувствую, что отношения между этими братьями странные. — Тан Линцю почувствовал какую-то неловкость, повесил трубку и отправил номер Дин Сюя. То, что Дин Сюй пошел на уступки, это хорошо. Это показывает, что он разумный человек, а не тот, кто, пользуясь статусом практика древних боевых искусств, презирает обычных людей.

В поселке Сивань Куан Кунь переехал в другой переулок, аренду оплатил Ван Шуцзе. Старик, который иногда даже не знал, где взять еду, жил настолько бедно, что Ван Шуцзе был поражен. Это противоречило его представлениям о мастерах боевых искусств, которые должны быть величественными и щедрыми.

Как человек из мира боевых искусств, Куан Кунь считал, что ученик должен заботиться о его жилье и еде. Один раз став учителем, ты на всю жизнь становишься отцом. В мире боевых искусств отношения между учителем и учеником очень важны, хотя предателей и отступников тоже хватало.

Е Цзы не стал сразу использовать талисман возвращения весны на Куан Куне, а налил в кухне стакан воды и растворил в нем талисман. Выйдя, он поставил стакан перед Куан Куне, что выглядело немного странно.

— Старик, это лекарство, которое Е Цзы достал. Выпей его. — Ван Шуцзе, стоя рядом, уговаривал.

Куан Кунь чуть не задохнулся. Он понял, что хотя ученик и заботится о нем, его статус ниже, чем у Е Цзы.